А. Калистратов

Умница

Алексей Калистратов
Умница

https://litres.ru/74760758
SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды утром она поняла, что лежит на подоконнике. Раньше она просто лежала. Теперь у лежания появилось имя, у запаха хлеба отдельное место, а у неё самой мысль, о которой не с кем поговорить.

Дом тот же: кухня, дети, женщина, которая зовёт её уменьшительным именем и ставит миску так, будто этим можно всё уладить. Только слова больше не сливаются в тёплый шум.

Содержание

Глава 1. Тигруля 5
Глава 2. Тени 11
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Алексей Калистратов
Умница

Глава 1. Тигруля

Первой появилась мысль. Она была одна и не имела формы, но Тигруля сразу поняла, что это именно мысль, потому что раньше ничего подобного не случалось.

Я лежу.

Это было очень простое наблюдение, и оно её потрясло. Она лежала на подоконнике, на левом боку, и солнце грело ей живот. Так она лежала каждое утро с тех пор, как себя помнила. Но раньше она *просто лежала*, а теперь выяснилось, что при этом можно ещё и знать, что ты лежишь.

Она попробовала пошевелить хвостом. Хвост дёрнулся. Тигруля уставилась на него с недоверием: он двигался отдельно от неё, как будто имел собственное мнение. Она велела ему остановиться. Он остановился, а через секунду снова дёрнулся сам. Тогда она поняла, что некоторые вещи в этом теле решаются без неё, и это ей не понравилось.

Снизу пахло едой, тёплым хлебом и чем-то горелым. Раньше запахи просто приходили и тянули за собой, как верёвка. Теперь они лежали перед ней по отдельности, и можно было их рассматривать: хлеб, масло, чужой носок под диваном, пыль, мужчина. Мужчина пах кофе и усталостью. Тигруля удивилась, откуда ей известно слово «усталость», и тут же поняла, что не знает его. Она просто почувствовала, что

запах именно такой, а названия у неё не было ни для этого, ни для чего-либо другого.

Тело между тем жило своей жизнью. Лапы сами начали месить плед, мерно и сосредоточенно, а в груди завёлся мотор. Тигруля наблюдала за этим с растущим ужасом. *Зачем я это делаю?* Лапы не ответили. Они продолжали, и ей стало неловко, как если бы её застали за чем-то личным. Она заставила себя остановиться. Мотор затих, и сразу стало пусто и тревожно. Через минуту лапы тихо возобновили работу, и она им это позволила, но с достоинством, как позволяют взрослые.

Потом пришли звуки.

Звуки были всегда. Внизу, в большой комнате, люди издавали их постоянно, и Тигруля знала про них всё важное: низкие и ровные означают, что можно не бояться, высокие и ласковые означают руки и иногда еду, резкие означают, что надо уходить под диван. Она разбиралась в этом отлично и ни разу не ошиблась. Но разбиралась она в *музыке*. Теперь музыка распалась.

— Артём, ты опять не убрал тарелку.

Тигруля вздрогнула. Из прежнего ровного журчания вдруг выскочили кусочки, твёрдые, как горошины. Они были непохожи друг на друга: «ар», «тём», «ты», «оп-ять». Каждый имел свою форму, и в этом было что-то невыносимое. Раньше звук был рекой. Теперь это была куча камней, и из неё надо было что-то строить.

— Я потом, — ответил другой голос, пониже, с ломкой ноткой.

— «Потом» у тебя бывает только в будущем.

Что такое «будущее», Тигруля не знала. Но она заметила, что после этого предложения женщина, пахнущая молоком и раздражением, посмотрела на мальчика *вот так*, прищурившись, а мальчик закатил глаза и всё-таки встал. Значит, «потом» было плохим звуком, а «тарелка», судя по тому, что мальчик взял в руки именно её, означала круглую штуку.

Тарелка, подумала Тигруля, и это был первый раз, когда она что-то назвала. Круглая штука не изменилась. Но в голове появилась маленькая полочка, а на полочке лежало слово. Ей стало невероятно приятно, и она сама на себя за это рассердилась.

Спуститься вниз она решила не сразу. Она долго смотрела на лестницу, и ей казалось невозможным, что вчера она преодолевала её не думая. Теперь каждая ступенька была отдельной проблемой: длина прыжка, мягкость приземления, возможность позора. Она всё же спрыгнула, неудачно, боком, и сделала вид, что так и задумано.

На кухне все были в сборе. Это нужно было как-то осмыслить.

Их было четверо. Мужчина большой, с кружкой, и от него шёл тот самый запах усталости. Женщина у плиты, быстрая, как птица. Мальчик, длинный и угловатый, пахнущий чем-то резким, из флакона, которым он, видимо, пытался что-

то скрыть. И самая маленькая, девочка, сидевшая на стуле с ногами под себя.

Именно девочка оказалась ключом ко всему. Тигруля поняла это не сразу, а минут через десять, сидя под столом и слушая.

Взрослые говорили быстро и сложно, и в их речи было слишком много лишнего. Но девочка говорила иначе. Она повторяла. Она тыкала пальцем в вещи и называла их, часто кукле, иногда в пустоту.

— Это ложка. Ложка. А это мишка. Мишка хочет кашу.

Тигруля слушала, не дыша. *Ложка.* Она увидела блестящую палочку в руке девочки. *Мишка* — это был плюшевый комок с оторванным ухом, которого Тигруля раньше считала своим законным врагом и регулярно драла. Теперь выяснилось, что у него есть имя. Ей стало немного совестно.

Дальше пошло быстрее. Тигруля обнаружила, что слова не висят в воздухе сами по себе, а *привязаны к действиям*, как верёвочки к кукле. Нужно только смотреть, что происходит сразу после звука. Женщина сказала:

— Так, всем завтракать.

И все сели. Значит, «завтракать» — это когда садятся и едят. Мужчина сказал:

— Где мои ключи?

И стал ходить по кухне, хлопая себя по карманам. Значит, «ключи» — это нечто, что теряют. Мальчик сказал что-то короткое, скучным голосом, и женщина ответила ему на

полтона выше, и с этого момента Тигруля стала подозревать, что значение слов не исчерпывается тем, на что они указывают. Что у них есть ещё и *выражение лица*. Это открытие её испугало больше всего остального. Получалось, что люди всё это время *нарочно* меняли голос, и каждый раз что-то при этом имели в виду.

Потом женщина наклонилась, посмотрела прямо на неё и сказала сладким, тягучим голосом, которым в прошлой жизни приманивала её к миске:

— Ти-гру-ля. Тигрулечка. Кушать хочешь?

Тигруля замерла.

Она знала этот звук. Он был старый, самый старый и привычный, он значил руки, тепло и еду. Но теперь она слышала его по слогам, и слоги складывались в слово, которое явно что-то обозначало. И все смотрели на неё. Девочка смотрела. Мальчик смотрел. Даже мужчина, не нашедший что-то, на секунду поднял голову.

Тигруля, подумала она.

Мысль шла медленно и неумолимо, как вода под дверь. *Тигруля. Это я. Они называют меня «Тигруля».* Она попробовала произнести это в уме ещё раз и услышала, как это звучит: смешно, уменьшительно, как что-то, что привязывают бантиком.

Женщина поставила миску. В миске лежало то, что Тигруля ела каждое утро, и что вчера казалось ей лучшим на свете. Сегодня она понюхала это как следует. Запах был честный,

рыбный и немного грустный.

Она посмотрела на миску, потом на людей, потом снова на миску.

Лапы уже сами несли её вперёд. Тигруля с отчаянием поняла, что есть всё равно будет, потому что голод не спрашивал разрешения ни у какого разума. Она наклонилась над миской, и мотор в груди завёлся сам собой, громко, на всю кухню.

— Ну вот, — сказала женщина. — Умница.

Это слово Тигруля пока не поняла. Но интонация была тёплая, и хвост её, предатель, ответил за неё.

Глава 2. Тени

После завтрака Тигруля ушла под диван. Раньше она ходила туда прятаться, а теперь пошла думать. Оказалось, что это почти одно и то же.

Под диваном было пыльно и тихо. Мысль, которая утром была одна, теперь превратилась в толпу, и каждая тащила за собой другую. Тигруля лежала, смотрела на пружины над головой и вспоминала.

Вспоминалась прошлая ночь.

В большой комнате есть окно, а за окном стоит фонарь. Рядом с фонарём растёт дерево, и когда дует ветер, на стене и на полу начинают шевелиться тени. Они длинные, тонкие и быстрые. Тигруля видела их каждую ночь с тех пор, как стала выходить из корзины.

Она помнила, как это было. Все спят, дом гудит холодильником, а она сидит на спинке кресла, и в ней нарастает что-то горячее и звонкое. Тень ползёт по обоям, и Тигруля уже не выбирает, прыгать или нет. Она прыгает. Лапа бьёт в стену. Под лапой ничего нет.

Тогда это было не страшно, а только досадно. Тень отскакивала, и Тигруля бросалась снова, в сотый раз, с тем же азартом, как будто в сотый раз проверяла что-то важное. Однажды она с разбега ударилась мордой в стекло, и перед глазами вспыхнули искры. Она отряхнулась и решила, что тень

просто очень хитрая.

Тень, подумала Тигруля. Слово она подобрала днём, из разговора на кухне: «Не стой в тени, ничего не видно». Тогда оно прошло мимо. Теперь оно легло на воспоминание, как крышка на кастрюлю, и всё встало на места.

Тень не живая. Она ничего не делает. Тень появляется там, где дерево закрывает свет, и качается потому, что качается дерево. Тигруля всю ночь, много ночей подряд, охотилась на *отсутствие света*.

Ей стало жарко под шерстью.

Она попыталась найти в этом хоть какое-то достоинство и не нашла. Это была не охота и не игра. Это было нападение на пустое место, и при этом в темноте, возможно, сидел человек и всё видел. Тигруля вспомнила, что иногда слышался тихий смех, и мальчик говорил: «Смотри, она опять». Раньше смех был просто звуком, тёплым и безвредным. Теперь у него появился смысл, и смысл был неприятный.

Дальше всё посыпалось.

Она вспомнила, как две недели гоняла собственный хвост и сердилась, что он не даётся. Вспомнила, как шипела на пылесос, который стоял в углу и ничего не делал. Вспомнила, как сидела у закрытой двери ванной и орала, потому что за дверью исчез человек, а она не знала, что люди умеют заходить в комнаты и закрываться. Вспомнила, как в три часа ночи неслась по дому с таким видом, будто несёт срочное донесение. Донесения у неё не было. Было только ощущение,

что мчаться необходимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.